

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Оформление серии *С. Груздева*

Михайлова, Евгения.

М69 Во мраке сверкающих звезд : [роман] / Евгения Михайлова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Детектив-событие).

ISBN 978-5-699-79687-8

Встретив во время прогулки по скверу парня, оставшегося без денег и документов, она не смогла пройти мимо и через несколько дней уже не представляла без него своей жизни. Она оберегала его, будто чувствуя — скоро Игорь попадет в еще большую беду...

Андрей не находил себе места, сразу поняв: на его сына Игоря напали из-за Светланы. Андрей знал, что поступает аморально и преступно, но даже в мыслях боялся расстаться с девушкой...

Светлана не пыталась сбежать из заточения: после всего, что с ней сделали, она не хотела жить. Но почему этот странный человек продолжает заботиться о ней, если сотворил такое?..

Мы часто принимаем желаемое за действительное. Тяжело отказываться от иллюзий, но только это позволит взглянуть правде в глаза, какой бы страшной она ни оказалась...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михайлова Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-79687-8

Часть первая

ПОТЕРЯННЫЕ НАХОДКИ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому...

*И. А. Анненский,
Царское Село, 1909 год*

Глава 1

Кровавый след на смуглой руке был замечен даже в полумраке. Карина поступила так на автомате, во сне, почувствовав зуд и боль. И лишь потом открыла глаза и долго смотрела на это продолговатое пятно, которое отчетливо выделялось на ее так рано загоревшей руке. Комар просто хотел есть, ему для жизни нужно было совсем немного ее крови. Капелька. Она никогда бы его не убила в состоянии бодрствования. Ничего маниакального типа безумных страданий по поводу загубленной жизни комара. Просто логика: на свете все могут существовать параллельно, занимая свою нишу. Комар не был врагом Карины, он не хотел ей зла, просто не в то время решил попить немного ее крови. В другое время она бы просто его прогнала.

Сон совсем пропал. А она ведь недавно легла и собиралась спать как минимум до полудня. Карина — надомный переводчик и «сова». Собственно, потому и на-

домный. Окончила филфак МГУ, распределилась в элитную гимназию. Но вставать каждое утро надо было так рано, что на работу ехало только ее подобие. Сама она мысленно досыпала на своей подушке. Конечно, дело не только в этом. Для учительницы Карина была недостаточно толерантной. У нее не получалось любить всех детей. Она любила интересных, любопытных, думающих, порой совсем непослушных. То есть личностей. А кто-то сразу был похож на себя взрослого, причем тупого и равнодушного или злого человека. Карина не могла его любить, и это было нехорошо, лишало ее права вступать в контакт с детьми. С коллегами еще хуже. Если человек был ей неинтересен, она не считала нужным поддерживать пустой разговор, соглашаться с абсурдным мнением, тем более его опровергать. Смысл? Потеря времени? А примитивные или пошлые комплименты коллег-мужчин ее раздражали. Мужчина должен чувствовать, принимает его женщина в принципе или нет. Если ему этого не дано, для Карины он и не мужчина вовсе. Так, просто тип с первичными и вторичными половыми признаками, которые являются только его проблемой.

«Плохой ли у меня характер? — задумалась Карина. — Да нет. Нормальный. Просто хочется работать в комфортном режиме — и это не значит мало работать, — хочется общаться с теми, кого сама выбрала. Так противно разочаровываться! Контакт с любым человеком, даже если это ребенок, взаимно полезен, если есть уверенность, что это не обман, не лицемерие, не

Евгения Михайлова

разговор глухих. Если за словами есть какое-то чувство. Мне нужны уверенность, надежность».

О любви Карина запретила себе думать со времени учебы в университете. Они приехали в Москву женихом и невестой, поженились и жили вместе здесь, в ее квартире, она хотела от него ребенка... Но не раз по ночам убегала от него в диком страхе. Он бросался на нее после какой-нибудь невинной фразы в такой агрессии, с такой злобой в глазах! Однажды он так ударил ее по лицу, что она на какое-то время перестала видеть. И Карина осенью, в дождь, бежала по улице в плаще, наброшенном на ночную рубашку. Человек бросается не как зверь, который либо голоден, либо испуган, — человек бросается на другого без особой причины, чтобы уничтожить его морально или физически в силу какой-то своей ущербности. Для Карины после той ночи это одно и то же — уничтожить физически или морально. И в том и другом случае можно только сбежать, чтобы выжить и остаться собой.

Свежий ветерок влетел в открытое окно, прикоснувшись к губам и не успевшим отдохнуть за ночь глазам... Поцеловал. Карина глубоко вздохнула и потянулась. Она практически круглый год жила с открытым окном. Терпеть не могла кондиционеры, освежители и прочую технику. Это была ее связь с природой. Что, наверное, тоже нормально для законченной урбанистки. И вдруг, едва ли не впервые в жизни, захотелось выйти на улицу, прямо в зарождающееся утро. Это должно было когда-то с ней

случиться. Она читала, что человек, являющийся «совой», однажды может испытать счастье, проснувшись на рассвете и выйдя из дома. Ему, возможно, споют соловьи, он будет очарован видом восходящего солнца и решит, что отныне переходит в разряд «жаворонков». Это будет его вдохновенный рассвет, возможно единственный. Потому что на следующее утро его к этим соловьям не вытащит даже бульдозер. Он очнется и поймет окончательно: какой кошмар — вставать раньше полудня.

Да, жизнь комара была отдана не зря. Карина выйдет прогуляться раньше всех. Не упустит этот шанс. Она бодро встала, приняла душ, выпила чашку кофе, влезла в джинсы и майку, вылетела из квартиры, из дома. Обычно она шла или в ближайший продовольственный магазин, или к машине. Поэтому сейчас пошла совсем в другом направлении. К скверу, который оказался вдруг ярко-зеленым, в нем что-то цвело и кто-то чирикал. Соловьи, не соловьи — не суть. Карина их все равно не узнает. Вот они точно живут параллельно по отношению к ней. А солнце выкатывалось, растекалось, разогревалось так здорово, что Карина чуть было не решила так прогуливаться каждый день. Но вовремя себя остановила. Не стоит строить планы. Ей сейчас хорошо здесь, завтра будет другой день. Она дошла до куста цветущего жасмина и вдохнула запах. Он ей нравился. Просто днем, среди пыли дорог и пелены выхлопных газов, даже он не ощущался.

Евгения Михайлова

Карина смотрела на цветы жасмина, на солнце, на диковинные листья каштана... Смотрела, сколько глаз хватало. Ей уже было ясно, что столь ранняя прогулка в ближайшее время не повторится. А московское лето — это такой маленький кусочек года. Вот он есть, и вот его уже нет.

За кустом жасмина стояла скамейка, а на ней спал парень. Как на диване: поджав колени, подложив руки под голову, лицом к спинке. Карина пошла быстрее. Не хватало разбудить пьяного, а может, он и не пьяный, просто отдыхает после убийства или изнасилования. Мало ли? Она уже почти прошла мимо, но тут влезла совесть, как всегда, когда ее не просят. Он может быть как раз жертвой преступления: ограблен или избит. Ему может быть плохо: сердце, сотрясение мозга... Ему может быть плохо, даже если он перепил, от этого умирают... Или от наркотиков. Он вообще жив? Он не шевелится. Она вернулась, встала рядом, внимательно рассмотрела ту часть лица, которая была на виду. Аккуратное ухо, курчавые каштановые волосы, щека, уже покрытая загаром, вполне себе здорового цвета. Длинные ресницы вздрагивали во сне, дыхание было ровным. Парню пришлось так согнуть ноги, потому что он очень крупный, рост наверняка ненамного меньше двух метров. Можно спокойно идти гулять дальше. Пусть дрыхнет. Но это немножко странно. Парень в дорогих джинсах с дырками на коленях, хороших кедах, на нем чистая светлая майка. Кудри пострижены хорошим парикмахером. Из дома,

что ли, выгнали? С девушкой поссорился? На правой руке не было обручального кольца. Еще кое-что смущало. Карина не могла определить его возраст. Здоровенный парняга, издалека, наверное, можно дать ему сколько угодно лет, а губы пухлые, как у ребенка, нос какой-то не взрослый. Подросток может очень быстро вымахать как лось и остаться при этом ребенком по уму. По девочке-подростку можно всегда сказать, какой она будет женщиной. Мальчишки... Собственно, они навсегда могут остаться инфантильными. И возраст их вообще не изменит. Просто она не может оставить этого парня, думая, что это подросток, попавший в беду. Такому лучше не попадаться на глаза ни полиции, ни бандитам. Ночевать на улице — это не дело. А он явно провел на этой скамейке ночь. Карина наклонилась к его лицу: запаха спиртного не было. И на наркомана не похож: руки чистые, спит спокойно, как в люльке. Могли, конечно, снотворное подлить в кофе или колу, украсть деньги и документы, возможно, ключи от дома. А если дома никого нет, если нет друзей, у которых он мог бы переночевать, то это может быть беда.

— Эй, — дотронулась она до его плеча. — Проснись. У тебя все в порядке?

Парень открыл крупные глаза шоколадного цвета, посмотрел на Карину спокойно и перевернулся на другой бок — лицом к ней.

— А что? Я вам мешаю?

Евгения Михайлова

«Точно подросток, — подумала Карина. — Я невольно сказала ему «ты», он ко мне обратился на «вы». Значит, я для него взрослая тетя, а ему лет шестнадцать—семнадцать». Карине было двадцать семь. Для девушки, которая поставила крест на замужестве, нормально. Вся жизнь впереди. А на замужестве она поставила крест, поскольку во второй раз на крючок не попадет. Но что делать с этой находкой? Вот уж чего не требовалось, так это какой-то проблемы! Первый рассвет в жизни «совы». Хотелось уединения, покоя, аромата и дивных впечатлений...

— Как тебя зовут? — спросила она.

Парень сел и ответил послушно:

— Игорь. А тебя? То есть — вас?

«Может, и не подросток», — подумала Карина.

— Меня зовут Карина, я здесь живу. А ты?

— Я не здесь.

— Часто спишь на скамейках?

— Вот не врублюсь никак. Это преступление, что ли? Эта скамейка охраняется государством? Она чья-то собственность? Я, конечно, сильно извиняюсь, но почему ты, Карина, ко мне пристала? Мне еще рано вставать.

— Глупый ты, что ли? «Пристала»... Мне кажется, ты попал или можешь попасть в беду. Но если все в порядке, если это образ жизни, то лично я вышла погулять одна. Ну, я пошла?

— Понимаешь, Карина... — Игорь очень красиво улыбался: ямочки на щеках, мягкий, добрый взгляд. —

Вообще-то попал. С хорошими ребятами познакомился, болтали, тусили, закупили в «Макдоналдсе» всякой еды, рублились в разные игры по моему планшетнику, а среди ночи я нашел себя вообще под теми кустами. Без всего. Ни планшетника, ни денег, ни ключей от квартиры, ни паспорта, ни студенческого.

— Голова цела?

— Цела, но сыпанули чего-то точно. Я и сейчас спать хочу, умираю.

— Тебе нужно позвонить домой. Вот телефон.

— Родители на даче. Я им звонить не буду. Начнет-ся... Мне нужно немножко доспать, занять у тебя денег на метро, доехать до Дмитровки. Дверь я как-нибудь открою или сломаю. Потом надо писать заявление, чтобы дали бумажку, ну, ксиву вместо паспорта.

— Ты профи в этом вопросе. Не в первый раз?

— Не-а, — рассмеялся Игорь. — Постоянно. Больной я. Мать так считает. Лечили. Назову тебе болезнь — тебя сейчас ветром сдует, подумаешь, что это заразное.

— Не сдует, — сказала Карина. — Я бывшая учительница. Если ты часто убегаешь из дому, если тебя от этого лечили, значит, диагноз поставили: драмомания — страсть к бродяжничеству. Хорошего мало. Могут по ошибке схватить вместо какого-нибудь преступника, могут сознательно повесить какое-нибудь преступление... Бумагу вместо паспорта тебе сегодня не дадут, потому что воскресенье. И потом, у тебя уже опять глаза закрываются. Придется мне рискнуть, хотя подозрение, что ты

Евгения Михайлова

мошенник, в какой-то степени есть. Просто бросить тебя в такой ситуации не могу. Тяжело реагирую на объявления: ушел такой-то месяц назад, помогите найти. Потом найти невозможно. Ни разу не слышала. Знаешь, я никогда не гуляю в это время. Я поздно сплю. А на рассвете убила комара, проснулась и решила выйти.

— Я понял, — просиял Игорь. — Ты загубила комариновую жизнь и решила спасти мою, да?

— Можно остановиться именно на таком сюжете.

— Клево! Я вообще-то во ВГИКе учусь, на сценарном факультете. Я из такого сюжета конфетку сделаю. Тебя возьму в соавторы.

— Спасибо. Дарю. В соавторы не пойду. Поднимайся. Если ты опять уснешь, мне придется эвакуатор вызывать. Ты какой-то ненормально крупный.

— Почему ненормально? — Игорь встал, на высоте своего роста расправил широкие плечи. Парень оказался редкой красоты, чего ему, конечно, Карина говорить не собиралась.

— Да я просто подумала, что ты, наверное, хочешь есть, а у меня в холодильнике еды мало.

— А что есть? — с интересом спросил Игорь.

— Омлет с беконом могу сделать. Максимум из трех яиц. Мороженое в морозилке.

— Сойдет, — кивнул Игорь, и они направились к дому Карины.

Глава 2

Карина провела парня в ванную, а сама пошла в комнату за чистым полотенцем. Вернулась, повесила его на держатель и спокойно осталась наблюдать, как Игорь вылез из джинсов, осмотрел их и аккуратно повесил на лесенку для одежды. Светло-голубую майку он бросил на пол. Она вообще-то чистая. Он, видимо, сделал это по привычке. Как дома, где можно каждое утро доставать свежую. Дотронулся было до белых плавок, но оглянулся на Карину и остался в них. Внимательно посмотрел на свое лицо в зеркале над раковиной, потом достал из стаканчика зубную пасту и начал старательно чистить зубы, выдавив ее себе на палец.

— Я могла бы тебе щетку дать, — пожала плечами Карина. — Ты слова, что ли, экономишь?

— Щетки, — пробормотал он. — Зачем переводить? Я помоюсь, посплю и уеду. А, поем еще.

Да. Если он не соврал про «драмоманию», то с этим явно перегнули. Это не бродяга. Это домашний парень, который уходил не из дому, а, скорее всего, от кого-то или чего-то.

Игорь почистил зубы и вошел в душевую кабину, задев за собой матовое стекло, сквозь которое Карина видела широкие плечи, плоский живот, сильные ноги взрослого мужчины. Не подросток точно. Тем более, еще когда он чистил зубы, она рассмотрела в зеркале светлую щетину над верхней губой и на подбородке. При каштановых волосах! Какая необычная внешность!

Евгения Михайлова

Он старательно тер себя мочалкой, а она посмотрела на себя в большое зеркало на стене. Светлые короткие прямые волосы, темно-серые глаза, скульптурно выпуклые скулы, твердые, почти всегда крепко сжатые губы. Она как-то была в гостях, и ее попросил попозировать профессиональный фотограф. Он сказал: «У вас интересное лицо. Такие лица любит камера, объектив, оно понравилось бы скульптору. Но губы не нужно так сжимать, даже если не хотите улыбаться. Нужно чуть приоткрыть, расслабить. У вас красивые зубы. Вы останетесь серьезной и строгой, если хотите, просто все будет немного мягче, живописнее».

— А зачем? — спросила Карина. — Я училка-мегера. И не собираюсь кривляться. — Тут она рассмеялась, и он сделал очень хорошее фото. Редкое, потому что смеяться Карина не любила. И смешливых людей не очень понимала, а постоянно улыбчивым почему-то не доверяла.

Такой характер. Но сейчас она смотрела на себя — с жестким ртом, первыми морщинками — и думала, насколько старше она выглядит, чем Игорь. У нее аккуратная, стройная фигура, но тяжелый взгляд и неулыбчивые губы делают ее, мягко говоря, взрослее.

— Сколько тебе лет? — спросила она, когда Игорь вышел из душевой кабины и начал вытираться.

— Двадцать один. А что?

— Просто хотела узнать, гожусь ли я тебе в бабушки.